

Чигирь Александра

**КАТЕГОРИЯ ДЕТСКОСТИ
В СКАЗКЕ ДЖ. МАКДОНАЛЬДА «СТРАНА СЕВЕРНОГО ВЕТРА»**
(Научный руководитель – М. С. Коржевская)

Одним из основных понятий викторианской сказки становится термин «детскость» (childlike), возникший в период сентиментализма. Данный термин понимается как «комплекс психологических, интеллектуальных, нравственных и поведенческих характеристик, присущих ребенку» [2, с. 116]. Ребёнок в понимании сентименталистов, а затем романтиков становится нравственным идеалом благодаря своей наивности и чистоте души. По этой причине наличие категории детскости является наиболее важной характеристикой главного героя многих литературных произведений XIX века. Так, главными героем викторианских сказок становится не просто ребенок, но ребенок, обладающий детскостью. Примерами могут служить персонажи «Рождественских повестей» Ч. Диккенса или абсурдистские сказки Л. Кэрролла, где ребенок ценится за его безграничную фантазию.

В «Стране Северного Ветра» Дж. Макдональда таким персонажем является мальчик по имени Алмаз. Он обладает необходимым для постижения мира качеством – воображением. Ему не нужны дорогие игрушки, ведь «колыбель, запряжённая парой стульев», была для него любимой игрой, а сломанные стулья – «самыми быстрыми скакунами на свете» [1, с. 28]. В каждой травинке, покрытой инеем, он видел «засахаренную конфету» [1, с. 29]. Такой полёт фантазии возможен только для ребёнка либо взрослого, обладающего детскостью, что приближает их к познанию истины. На этом основании Макдональд противопоставляет Алмаза миру взрослых и говорит, что пока Алмаз не повзрослел, т. е. не утратил «духовное детство» (spiritual childhood) [4, р. 8], то для него будет открыто истинное знание: «If Diamond had been a little older, and had supposed himself a good deal wiser, he would have thought the lady was joking. But he was not older, and did not fancy himself wiser, and therefore understood her well enough» [3, р. 72] («Будь Алмаз взрослым и рассудительным, он решил бы, что она шутит. Но мальчик ещё не знал, как это — быть рассудительным, поэтому прекрасно всё понял» [1, с. 16]).

Другая важная характеристика Алмаза частично вытекает из первой: благодаря воображению, искренности и доброте Алмаз способен тонко чувствовать природу. Напомним, что такая восприимчивость к природным явлениям имеет большое значение в мировоззрении Макдональда. Любовь Алмаза к природе проявляется, прежде всего, в его бережном отношении к ней. Так, Мисс Коулман ценит искренность Алмаза и позволяет ему играть в своём саду. Она выделяет его среди других детей именно за его чуткое отношение к природе: «He never touched any of the flowers or blossoms, for he was not like some boys who cannot enjoy a thing without pulling it to pieces, and so preventing every one from enjoying it after them» [3, p. 34] («Он никогда не рвал цветы и не ломал ветки, не то что многие мальчишки, которые не могут любоваться красотой и не разломать все на кусочки так, что после них любоваться уже нечем» [1, с. 52]). Макдональд показывает разницу между теми, в ком есть детскость, и теми, кто ею не обладает.

Важно отметить, что Алмаз не только бережёт природу, но и способен по-настоящему сопереживать ей. Так, его переполняют настолько сильные эмоции при виде сломанного ветром дерева, что он готов расплакаться: «Diamond almost cried to see the wilderness of green leaves, which used to be so far up in the blue air, tossing about in the breeze, and liking it best when the wind blew it most, now lying so near the ground, and without any hope of ever getting up into the deep air again» [3, p. 54] («Алмаз почти расплакался, увидев огромную зелёную крону, которая раньше жила высоко в небе и радостно шелестела на ветру, распростёртой на земле безо всякой надежды когда-нибудь снова вернуться в небо» [1, с. 82]).

Понимание природного мира тесно сопряжено с ощущением музыки. Действительно, в Алмазе сильно музыкальное начало, которое проявляется в его многочисленных песенках и стихах. Взрослые не способны уловить смысл и красоту, заложенную в песнях Алмаза, а потому считают их странными и чужаковатыми. Алмаз подчёркивает, что ничего не выдумывает, и мелодия сама рождаются в его душе: «But after that he would sing the oddest, loveliest little songs to the baby—of his own making, his mother said; but Diamond said he did not make them; they were made somewhere inside him, and he knew nothing about them till they were coming out» [3, p. 94] («После таких снов Алмаз пел младенцу красивые, но очень чудные песенки. Мама считала, что он их сочиняет, а мальчик говорил, что он ничего не придумывает, песенки сами рождаются где-то внутри него, а он ничего не знает про них до тех пор, пока они не покажутся на свет» [1, с. 140]). Единственные, кто, кажется, понимают Алмаза, – его новорожденные брат с сестрой и соседский младенец, которые сразу перестают плакать и начинают смеяться, когда Алмаз поёт им очередную песенку или рассказывает стишок. Таким образом, данные лирические вставки служат двум целям: с одной стороны, они музыкально организуют текст, с другой – характеризуют Алмаза как тонко чувствующую натуру.

Более того, в понимании Макдональда ребёнок наиболее близок к Богу. Такая приближенность ребёнка к Богу оправдана тем, что сам Бог подобен ребёнку и наоборот. К такому выводу Макдональд приходит, рассуждая над словами Священного Писания: «Кто примет одно из таких детей во имя Моё, тот принимает меня; а кто Меня примет, тот не меня принимает, но Пославшего Меня» (Ев. от Марка 9:37). «In my name» в английском варианте слов «во имя Моё» трактуется Макдональдом как «being like me», т. е. «подобен мне» [4, р. 8]. Так, Макдональд поясняет, что Иисус может попросить принять только того, кто подобен самому Иисусу; Иисус же подобен Богу, а значит и ребёнок также подобен Богу: «God is represented in Jesus, for that God is like Jesus: Jesus is represented in the child, for that Jesus is like the child. Therefore God is represented in the child, for that he is like the child. God is child-like» [4, р. 11] (Бог воплощён в Иисусе, значит Бог подобен Иисусу: Иисус выражен в ребёнке, значит Иисус подобен ребёнку. Следовательно, Бог воплощён в ребёнке, значит, он подобен ребёнку. Бог подобен ребёнку. – *Здесь и далее пер. наш. – А. Ч.*). Формулировка «God is child-like» еще раз подчеркивает важность категории детскости (childlike) в Боге и человеке. Так, Алмаза можно считать христоподобной фигурой. Он готов без раздумий пожертвовать последним ради другого: встретив Нэнни днём в городе, он торопится отдать ей единственный шиллинг, который у него был. Алмазом всегда движет всеобъемлющая и бескорыстная любовь к ближнему: он называет своими друзьями всех, с кем когда-либо был знаком, и, что наиболее показательно, жалеет кебмена-пьяницу, который избивает жену. Даже такой ужасный поступок находит сострадание и прощение в сердце Алмаза.

После очередного скандала кебмена с женой и последующего плача их младенца, Алмаз решает, что не может пройти мимо тех, кто нуждается в помощи. Единственное, чем он может помочь, – это спеть малышу одну из своих песенок, чтобы успокоить его. Алмаз также объясняет ему, что кебмен на самом деле очень любит свою семью и пытается о них заботиться, работая днями напролёт, но забывает об этом к вечеру и тратит всё на пиво. Алмаз уверен, что виноват не сам кебмен, а бес, который живёт в пиве и через него попадает в душу, заставляя людей пить всё больше и больше. Когда же кебмен избавится от него, то станет таким, какой он есть на самом деле, – любящим и заботливым.

Действительно, сквозь полусон кебмен чувствует беспокойство на душе, однако не может понять его причину. Рассказчик же поясняет, что беспокойство вызвано голосом «огромной Любви», живущей в душе каждого и призывающей исправиться: «It was that he had struck his wife. He had forgotten it, but was miserable about it, notwithstanding. And this misery was the voice of the great Love that had made him and his wife and the baby and Diamond, speaking in his heart, and telling him to be good. For that great Love speaks in the most wretched and dirty hearts» [3, р. 110] («На самом деле, ему не давало покоя то, что он ударил жену. Он уже успел позабыть свой поступок, но всё равно страдал из-за него, и эти страдания

были голосом огромной Любви, которая сотворила и его, и жену, и младенца, и Алмаза. Она говорила в его сердце, умоляя стать хорошим, ведь такая Любовь живёт даже в самых испорченных и чёрных сердцах» [1, с. 163]). Говоря о том, что голос Любви звучит по-разному: на Синае – громом и молнией, в душе кебмена – страданием, а в душе апостола Иоанна – блаженством, – рассказчик намекает, что эта Любовь есть Бог. Так, Макдональд ещё раз подчеркивает, что человек был создан из любви Бога, и потому Его голос звучит в каждой душе, даже искаленной грехом, призывая к раскаянию и даруя прощение: «When some sin that we have committed has clouded all our horizon, and hidden him from our eyes, he, forgiving us, ere we are, and that we may be, forgiven, sweeps away a path for this his forgiveness to reach our hearts, that it may by causing our repentance destroy the wrong, and make us able even to forgive ourselves» [4, p. 42] (Когда какой-либо грех, который мы совершили, затуманивает наш горизонт и скрывает его [Бога] от наших глаз, он прощает нас прежде, чем мы самих, чтобы мы, прощённые, могли расчистить для этого прощения путь к нашим сердцам и чтобы оно стало причиной нашего раскаяния, которое уничтожит зло и даст нам возможность простить самих себя).

Эпизод с кебменом также подчёркивает ангельскую сущность Алмаза. Так, рассказчик называет Алмаза подобным «Божиему ангелу с пылающим огненным мечом», ставшим на «борьбу с дьяволом» [1, с. 162]. Сам кебмен под влиянием Алмаза становится на путь исправления, а в самом Алмазе он видит ангела: «He's an angel come down on his own business» [3, p. 140] («это ангел во плоти. Спустился к нам на землю, видать, по делам» [1, с. 208]).

Второстепенным героем-ребёнком в «Стране Северного Ветра» является Нэнни. Ее образ противоположен Алмазу: на её примере показан ребёнок без категории детскости. Нэнни лишена воображения и смотрит на окружающий мир, как и все взрослые, с долей недоверия и подозрения. Рассказы Алмаза кажутся Нэнни детской чепухой, а мысль о том, что его родители заберут её в свою семью, «слишком хороша, чтобы быть правдой» [1, с. 279]. Такое различие между Нэнни и Алмазом вызвано окружающей средой: ей приходится заботиться о себе и зарабатывать на еду самостоятельно. Такая тяжёлая жизнь заставляет Нэнни повзрослеть раньше времени: «She called him a kid, but she was not really a month older than he was; only she had had to work for her bread, and that so soon makes people older» [3, p. 31] («Она назвала его малышом, хотя сама была одного с ним возраста. Но ей приходилось зарабатывать себе на хлеб, а это делает людей взрослее» [1, с. 46]). Однако Нэнни, как и Алмазу, не чуждо сострадание и прощение. Она всячески заботится о Джиме, своем друге, и жалеет бабушку Сал, веря, что настанет время, когда та осознает и раскается в своих ошибках: «Don't abuse Grannie, Diamond. She's a horrid old thing, she and her gin bottle; but she'll repent some day, and then you'll be glad not to have said anything against her» [3, p. 189] («Не обижай бабушку, Алмаз. Она и её бутылка джина, конечно,

ужасны, но однажды она раскается, и тогда ты обрадуешься, что не говорил про неё ничего плохого» [6, с. 279]). Тем не менее, Нэнни оказывается не готова для вечной жизни: она своенравна, ей не дано понять законы мира, в котором она хотела остаться, – в её душе нет веры, рождающей это понимание. Так, Нэнни нарушает запрет Царицы и выпускает трёх её пчёл, за что Царица Северного Ветра отправляет её назад, в земную жизнь.

Таким образом, через противопоставление двух героев-детей становится очевидна важность категории детскости в сказке «Страна Северного Ветра». Именно благодаря детскости Алмаз приближается к истинному познанию мира и природы. Он является воплощением чистой души, незамутнённой «взрослым» восприятием окружающей действительности. Его искренность и чуткость передаются посредством музыкальности и тонкого восприятия природного мира. Так, Алмаз мыслит и живёт в соответствии с проповедями Христа, хотя сам он никогда их не читал. Это делает Алмаза носителем новозаветной морали, которую он постигает благодаря своему воображению, приближаясь тем самым к познанию Бога.

Литература

1. Макдональд Дж. Страна Северного Ветра / Пер. с англ. О. Антоновой; Худож. А. Власова. – М.: Центр «Нарния», 2005. – 364 с.: ил. – Сундук сказок.
2. Мнацаканян К. А. Образ ребенка и категория детскости в викторианской литературной сказке. / К. А. Мнацаканян // Вестник ПСТГУ. III Филология – 2007. – № 3 (9). – С. 115 – 120.
3. MacDonald, G. At the back of the North Wind. [Electronic resource] / G. MacDonald. – 245 p. – Mode of access : <https://flibusta.site/> . – Date of access : 01.12.2019.
4. MacDonald, G. Unspoken Sermons, Series I., II., and III. [Electronic resource] / G. MacDonald. – 478 p. – Mode of access : <http://www.gutenberg.org/> – Date of access : 01.02.2020.